

# Я ОТЫЩУ ТЕБЯ ВО ВРЕМЕНИ



Нет никакого "завтра", есть только вечное "сейчас"

16+

Валерий Моисеев

Валерий Моисеев

**Я отыщу тебя во времени**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

## **Моисеев В. А.**

Я отыщу тебя во времени / В. А. Моисеев — «ЛитРес:  
Самиздат», 2019

Они не случайно встретились в этом вагоне метро: она - очень хрупкая и красивая девушка-студентка и он - загадочный незнакомец в дорогой одежде с очень странным поведением; и только один из них знал, как эта встреча невероятна и как неожиданно всё обернётся. Все персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реальными людьми является случайностью. Все действия и приведенные описания не имеют под собой исторических, политических или иных обоснований и также являются художественным вымыслом.

## **Я отыщу тебя во времени**

### **Глава**

#### **1**

– Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Маяковская».

Старенький, уставший вагон метро лязгнул тяжёлыми дверьми и, покачиваясь и кряхтя, начал набирать скорость. В этот дождливый и ничем не примечательный осенний день все по обыкновению куда-то спешили. Набивая вагоны до отказа, протискиваясь и толкая друг друга, люди в сердцах бранили всех и вся вокруг, кого за наглость, кого за нерасторопность, кого просто за то, что вышел из дома и сам не знает куда едет... Устроив свои тела в образовавшихся пустотах между другими телами, люди затихали, их лица становились задумчивы, и только что горящие от возмущения глаза как бы тускнели, ожидая следующей остановки, чтобы вновь вспыхнуть. Что поделаться, час пик...

На станции «Маяковская» в вагон вошла девушка, на вид лет восемнадцати. Точнее будет сказать, её внесло потоком пассажиров, втекающим в освободившееся пространство вагона. Она протиснулась к противоположной двери, просунула руку между стоящими рядом с ней пассажирами и, нащупав поручень, крепко схватилась за него как раз в тот момент, когда вагон тронулся.

На самом деле ей было двадцать три года, хотя выглядела она гораздо моложе своих лет. Наверное, потому что девушка была невысокого роста и её изящная фигурка больше походила на подростка, нежели на фигуру сформировавшейся девушки. Она не страдала худобой, но и не была обременена лишним весом. Миловидное округлое личико с маленьким, чуть вздернутым кверху носиком и небольшими пухленькими губками дополнялось доставшейся от каких-то далёких предков еле заметной раскосостью глаз. Как будто в её крови был слабый отблеск генома, принадлежащего непокорному и воинственному самураю, и это придавало её внешности ещё большего шарма. Её прямые, влажные от дождя волосы были распущены и доходили ей до лопаток. Они отливали цветом колосьев пшеницы на кончиках, а к корням темнели, меняя цвет на каштановый. Мочки ушей украшали подаренные ей мамой на шестнадцатилетие небольшие золотые серёжки с голубовато-зелёными камешками, как раз под цвет её глаз. В наушниках девушки играла песня Jason Mraz «I'm Yours».

«Что я тут забыла, в этой Москве?» – мысленно спросила она себя. «Ты же сама хотела, сама решила, убедила себя, что в Волгограде нет будущего для тебя, да и для всех там живущих», – сама себе ответила она. «Да, и оказалась права!» – «Вот именно, что же ты жалуешься?» – «Тьфу ты!» – девушка в сердцах пнула эту мысль и грустно улыбнулась про себя. Она вдруг мысленно вернулась в свою маленькую, уютную и такую родную комнатку в двухкомнатной волгоградской хрущёвке, полученной ещё бабушкой от завода, где та работала в советские времена. В комнатке стоял мягкий и тёплый раскладной диванчик, столик на четырёх ножках. В углу корзина для белья, в которой размещались детские игрушки, а ещё два ковра, один на полу, где девушка, будучи ребёнком, играла этими игрушками, другой на стене, поверх него красовались её медали с соревнований по гимнастике. Несмотря на то, что один угол промерзал каждую зиму и в нём образовалась плесень, комнатка была уютной и родной, потому что она была её и только её, это было её личное пространство. Это радовало её до и очень спасало после того, как в стране, а потом и в их семье начались тяжёлые времена...

Отца она никогда не видела, мать про него не рассказывала, да дочка и не спрашивала. Когда Насте (так звали девушку) исполнилось три года, мама вышла замуж за дядю Толю, подполковника Российской Армии. Загорелый, мускулистый, всегда гладко выбритый, он походил на персонажа крутого боевика с элементами комедии, потому что всё время говорил какими-то смешными фразами из фильмов, поговорками, прибаутками и находился почти всегда в приподнятом настроении. Зарабатывал он очень неплохо, их семья жила в достатке, они ни в чём себе не отказывали, ездили на море, в санатории и профилактории, на рыбалку и даже на

стрельбище, пострелять из пистолета. Дядя Толя относился к Насте как к собственной дочурке, покупал ей игрушки, сладости, водил в цирк, кино, зоопарк. Он полностью заменил ей отца, его появление в её жизни стало на тот момент лучшим событием. Мама тогда работала на заводе «Красный октябрь», занимала должность заведующей лабораторией. Жизнь была полна душевного равновесия и стабильности. Однажды дядя Толя, как всегда сияющий и в хорошем расположении духа, принёс домой радостную весть:

– Мы скоро переедем в просторную трёхкомнатную квартиру, – сказал он громким натренированным голосом и, подняв указательный палец вверх, добавил: – В новом доме.

Мама и Настя заверещали, запрыгали и бросились обнимать его и расцеловывать. У мамы от радости текли слёзы. Она не могла поверить.

«Как же мне с ним повезло, – думала она. – Господи, спасибо тебе большое за всё! За него, за дочь, за квартиру, за нашу жизнь, которую ты нам подарил, за всё!»

Радости не было предела. Мама улыбалась, её походка стала лёгкой, как будто её что-то приподнимало вверх, и она как бы парила над землёй, казалось, она даже помолодела. Друзья и родственники завидовали, хотя старались всячески скрыть это, но у них плохо получалось. Сдача дома, в который они должны были переехать, планировалась через семь месяцев.

Мама и дядя Толя обсуждали продажу их двухкомнатной квартиры, в которой они все жили, дабы побыстрее расплатиться с ипотечным кредитом, взятым на покупку новой квартиры, так как это тяготило их обоих в силу воспитания, но то ли здравый смысл, то ли какое-то чутьё подсказало им этого не делать.

– Да чего нам бояться-то? – улыбался Анатолий Сергеевич. – Всё будет хорошо.

– Ну не знаю, давай оставим, чуть поднатужимся, ну, не съездим лишний раз на море. Зато запас будет, может, Насте пригодится, – говорила мама.

– Ну как скажешь, – снисходительно согласился дядя Толя.

К 2015 году дом так и не был достроен. Власти бездействовали. Но настоящий кошмар в их жизни наступил в 2017 году, когда почти одновременно урезали зарплату маме и, к всеобщему ужасу, уволили дядю Толю. Это было начало конца.

Сначала бывший подполковник стал искать правду в бесконечных коридорах власти, пытался доказать несправедливость, неправомерность, бесчеловечность и тому подобное. Безрезультатно. Его просто вышвырнули по какой-то там статье, сфабрикованной его же подчинённым, который всю жизнь боялся дядю Толю и ненавидел, а тут получил неожиданное для всех повышение и отомстил сполна за обиды своей маленькой душонки. Анатолий Сергеевич отчаянно и тщетно искал высокооплачиваемую работу, брался за любую, за две, за три одновременно.

Ничего не помогло, квартиру забрал банк, а дядя Толя нашёл утешение в горькой. Мать как-то быстро состарилась и осунулась и по-прежнему ходила на работу за нищенскую зарплату. В семье начались бесконечные скандалы. Настины будни превратились в кошмар, каждодневные претензии, обвинения во всём, как будто она была виновата в их положении. Отчим превратился в постоянно скулящего, вечно пьяного, агрессивного уродя, который то всех поучал, то накидывался на них с матерью, то обижался на что-то, то извинялся и пускал слезу. Настя его возненавидела так же сильно, как раньше любила...

Тут какая-то сила вышвырнула её в реальный мир из воспоминаний, в которые она погрузилась так глубоко, что не сразу поняла, где находится. Секунда, другая... «Так, метро», – сообразила Настя, очнувшись, как после сна.

Она почувствовала, что чья-то тёплая ладонь легла на её маленькую ладошку, пальцы нагло проскользнули между её пальцев и сомкнулись, так, как держатся влюблённые пары. Это и стало причиной её возвращения. Она рефлекторно отдернула руку.

«Кто это сделал?» – задала Настя вопрос сама себе.

Воспитание и робость не позволяли ей поднять шум и привлечь внимание окружающих. Да и любопытство и подозрение, что это шутка какого-нибудь её знакомого, заставили её вернуться в поисках нахала. И тут она упёрлась глазами в грудь молодого человека, одетого в дорогой костюм с синим отливом и красный галстук с зажимом, на котором было написано «Brioni».

Подняв глаза, Настя увидела озарённое счастьем, светящееся на фоне всех остальных людей в вагоне лицо молодого человека. На вид ему было около двадцати семи лет. Он ей был совершенно не знаком, и она негодовала от его шутки. Настя сердито нахмурилась и хотела отвернуться. Парень расплылся в ещё более лучезарной улыбке, как будто он её давно знал, и вновь взял её за руку. Она слабо попыталась высвободиться, но не получилось. Тогда Настя уже более сердито посмотрела на него и дёрнула ещё раз. Снова нет. Изнутри поднялось какое-то негодование, и она напряглась, приготавливаясь дёрнуть, насколько хватит сил. Парень в упор смотрел на Настю, и лицо его стало меркнуть, улыбка была уже не такой открытой, и когда девушка собралась было дёрнуть руку в очередной раз, она вдруг почувствовала, что его рука ослабла и освободила её руку. Она вновь хотела отвернуться, но что-то её остановило. Настя стояла и, как замороженная, смотрела в тёмно-сиреневые глаза, которые чуть прикрывала русая кудрявая чёлка, завивающаяся от пробора к наружным уголкам глаз. До этого белая кожа лица молодого человека стала наливаясь румянцем, улыбка исчезла, мускулы на лице застыли маской. Он смотрел на неё не моргая, белки глаз покраснели, по щеке потекла слеза, но лицо выражало непреклонность, которая вызывала чувство уважения к её обладателю и придавала внутреннюю силу, и было в этой силе что-то могучее и жгуче-несчастное. Такое впечатление тогда он произвел на неё.

Настя была в растерянности и смотрела на него, оторопев. Она совершенно не ожидала такой реакции. Странно, но ей почему-то стало стыдно за своё поведение.

«Господи, – подумала она, – да что же у него стряслось, почему он плачет? Вот я дура... Что-то с ним произошло...»

Она вдруг почувствовала к нему какую-то душевную привязанность или, скорее, причастность к его переживаниям, в таких случаях говорят: почувствовать родственную душу. Ей казалось, что он знал, о чём она вспоминала, стоя здесь, в вагоне, уцепившись за поручень, и, хотя он не проронил ни слова, она знала его или так ей казалось. Горечь, стиснув горло, опустилась и легла на сердце. Она попыталась вздохнуть, но вдох получился тяжёлым, грудь что-то сдавливало, ей хотелось зарыдать. Решение пришло в одно мгновение: протянув уверенно свою руку, Настя взяла его ладонь. Он смотрел, не отводя глаз, и вдруг еле заметно улыбнулся, на его лице стали рассеиваться тучи, и оно засияло, как прежде. У Насти заколотилось сердце, будто ранее оно остановилось, а теперь хотело наверстать упущенное. Она ни о чём не думала, просто отдалась чувствам, прижалась к нему, и ей показалось, что так было всегда, и тысячу лет назад они стояли, обнявшись, и будут стоять ещё тысячу. Сердце успокоилось, она чувствовала себя защищённой. В ней стало зарождаться ощущение торжества, как будто они сейчас чувствуют то, что другим не познать никогда. Настя знала, что должно быть только так и никак иначе.

На одной из остановок они вышли, держась за руки. Парень вёл её куда-то, а она не спрашивала его ни о чём. Шли они решительно и не проронили ни слова, будто боялись всё испортить. Наступил вечер, и фонари отражались на мокром асфальте бороздой блестящих линий, светофоры каскадом расположились вдоль проспекта и играли какую-то свою беззвучную мелодию. Свернув в проулок, они зашли в подъезд дома, поднялись на третий этаж. Парень открыл ключом дверь, и они буквально втолкнули друг друга в квартиру. Дверь за ними закрылась.

...Такой счастливой Настя не чувствовала себя никогда. Ей приснился залитый солнцем луг, на котором было множество разнообразных цветов и сочной травы, и почти чистое

небо с несколькими облачками, накрапывал грибной дождик. Она вглядывалась в дали бездонного неба, мелкие капельки попадали ей в глаза, и она жмурилась. Капельки не доставляли ей неудобства, наоборот, Насте казалось, что они промывают её ранее затуманенные глаза и на мир она глядит по-новому. Ей стало доступно видеть то, чего раньше она не могла разглядеть. Она дышала, дышала полной грудью, как раньше не могла вдохнуть. Она чувствовала запахи, которых никогда не чувствовала, слышала звуки, которых не слышала никогда, да и никто не слышал. Настя стояла, открыв ладони и лицо солнышку, и ощущала каждый порыв ветра, который несёт ей что-то светлое и счастливое. Она чувствовала, что он обнимает её, прижав свои губы к её макушке. Она хотела быть в этих объятиях вечно.

Вдруг раздался стук. Настя подскочила от неожиданности, посмотрев на дверь. Резко развернувшись, посмотрела на противоположную часть кровати. Она была пуста.

«Пошёл в душ», – подумала она.

В дверь снова постучали.

– Время вышло, выезд в двенадцать, уже почти час дня! – объявил недовольный женский голос.

Настя вскочила, подбежала к ванной комнате и потянула на себя ручку. Дверь легко поддалась. Никого. На кухне тоже никого. Тревога охватила её сознание. Его вещей нигде нет. Может, вышел в магазин?

Слабая надежда ещё теплилась в её душе, но она уже понимала: он ушёл.

Настя опустилась на кровать.

В дверь снова затарабанили:

– Имейте совесть, открывайте!

Настя автоматически стала одеваться. «Дура, дура, какая ты дура, чтоб тебя... – проклинала она себя. – Номер телефона не взяла, свой не оставила, как зовут – не знаешь, как тебя зовут – он не знает. Дура ты, дура и есть. Как же он меня найдёт... Нет, как же я его найду?»

Во рту появилась горечь, ноги ослабли, голова налилась свинцом, слёзы брызнули из глаз. Настя ничего не чувствовала, кроме того, что жизнь её закончена. Она открыла дверь и, пройдя мимо орущей ей вслед хозяйки снятой на сутки квартиры, вышла на улицу.

## Глава 2

Преподаватель истории вошёл в аудиторию и, подойдя к кафедре, достал из старенького, но дорогого рюкзака блокнот, ручку, бутылку воды и футляр от очков и разложил всё на столе. На типичного профессора он не походил, по крайней мере, фирменная одежда, в которую он был одет, точно не соответствовала общепринятому типуажу: серо-зелёная спортивная футболка со значком фирмы Superlativ, белые штаны в тонкую чёрную полоску Tru trussardi и кроссовки Salvatore Ferragamo.

– Итак, как я вам и обещал, сегодня мы начинаем цикл лекций о современной России и рассмотрим причины разрушения нашего государства, как крупнейшая страна с невероятным количеством ресурсов превратилась в маленькое европейское государство с большим гос. долгом в столь короткие сроки.

Лектор, который был родом ещё из того, советского, государства, переживший лихие девяностые прошлого века и двадцатые годы нынешнего, сделал паузу и постучал пальцем по столу, будто что-то обдумывая.

– В краткой форме я изложу хронологию событий, произошедших в последние годы, а затем какие-то моменты мы разберём подробнее, если вам будет интересно. Про девяностые годы мы с вами уже поговорили, поэтому будем о новом тысячелетии. Как вы все помните, в начале двухтысячных годов нашу страну стал возглавлять народно избранный президент. Он вступил в должность в очень непростое для Российского государства время, это было скорее не государство, а общество людей на сильно похудевшей землями территории, самоуправляющееся по инерции, приданной некогда огромной государственной машиной. Бандитизм, падение нравственности, озлобленность, упадок культурных ценностей и напряжённая обстановка на границах, чеченская война – это только малая часть того, с чем пришлось столкнуться новому президенту. Это были тяжёлые годы для российского народа: задолженности по зарплатам, задержка пенсионных выплат, нехватка рабочих мест. К тому времени приватизация государственного имущества в основной своей части уже прошла, были определены хозяева народного добра. Повернуть всё вспять на тот момент было возможно. Но тогда ещё наш президент принял, как ему казалось, единственно правильное решение. Он закрепил право на владение предприятиями, созданными целым народом, и ресурсами, принадлежащими народу по праву рождения, за олигархами, тем самым заручившись их поддержкой. К 2003 году было решено много задач, поставленных перед правительством, и одна из важнейших – разрешение конфликта на Северном Кавказе.

По стечению обстоятельств, обусловленных рядом факторов, таких как война в Ираке, сокращения нефтедобычи Великобритании, Мексики, Индонезии, истощение запасов в странах персидского залива и общий рост потребления нефти, с середины 2002 года цена на углеводороды стала неуклонно расти и к июлю 2008 года достигла рекордных почти 144 долларов за баррель против 25–28 долларов в 2000 году. Это должно было стать великим прорывом в укреплении и развитии России. Россия могла занять одно из ведущих мест в мировом рейтинге развитых стран, но, к сожалению, этому сценарию было не суждено сбыться. На самом деле, было намечено большое количество крупных и значимых проектов и амбициозных планов, но почти все они явились платформой для растаскивания бюджета. В это время многие приближённые президента – и те, которые не успели поучаствовать в приватизации, и те, кто успели, – стали мультимиллионерами. Любой новый проект, ещё не начавшись, превращался в схему по выкачиванию денег. Почти все заводы и фабрики в регионах были выкуплены или отобраны у тех, кто проявил смекалку и приватизировал их во время большого передела, но впоследствии не смог бороться с представителями власти. На таких горе-дельцов заводились

уголовные дела, и они, собрав все возможные активы, бросали свою недвижимость и работающий бизнес и бежали за границу, и это притом, что страна просто лопалась от денег. В то время триллионы долларов утекали за рубеж, оседали в офшорах и материализовались в элитную недвижимость по всему миру.

– А как же народ? – спросили из аудитории.

– А что народ? – усмехнулся профессор. – Народ был доволен тем, что зарплаты и пенсии платили вовремя и размер их был для новой России весьма высок. Хотя по мировым меркам это была довольно смешная сумма. Но люди сравнивали свой доход не с европейским, а со своим, получаемым в девяностые годы, и были вполне удовлетворены результатом. К тому времени средства массовой информации уже бомбардировали умы граждан в угоду действующей власти...

На задней парте сидела девушка. Она выглядела уставшей, с заметной синевой под глазами. Девушка сидела неподвижно, смотря в одну точку, и ни слова не слышала из всей лекции, более того, она даже не очень понимала, как сюда попала, ведь её голову вот уже более полугода занимали совершенно другие мысли. Зимнюю сессию она сдала из рук вон плохо, хотя все прежние сдавала на одни пятёрки. Это была, как вы догадались, наша Настя.

Когда время лекции истекло, профессор спустился с кафедры, громко объявив о конце занятия. Тишина, царившая до этого в аудитории, взорвалась стуком и грохотом собирающихся студентов, гулом их голосов, которые обсуждали планы на вечер, услышанное на лекции, а кто-то просто хохмил и смеялся. В общем, жизнь продолжалась. Толпа вывалилась из аудитории. Настя же не шелохнулась. Зашла уборщица и начала убираться. Она сначала бубнила что-то себе под нос, с недовольным видом кидала взглядом молнии в сторону девушки. Но когда поняла, что та её не видит, подошла, похлопала Настю по запястью и сказала:

– Девушка, освободите помещение, пожалуйста.

Уборщица даже удивилась своему мягкому тону: что-то её заставило сменить гнев на милость.

Настя как будто очнулась, вздрогнула.

– А... Да... Простите, – проговорила она сухими губами, встала и побрела к выходу.

## Глава 3

После ночи, проведённой с незнакомцем, Настю как будто подменили. Она перестала отвечать друзьям на телефонные звонки, стала избегать встреч с ними, её парень, теперь уже бывший, о котором она даже не вспоминала в тот вечер, ночь и следующее утро, исчез из её жизни, растворился, не оставив после себя хоть каких-нибудь воспоминаний. И дело не в том, что он был плох или глуп, а просто его оставила в тени череда ярких, пропитанных величайшей красочностью и глубиной эмоциональных переживаний, которые никогда ранее и никогда позднее не были и не будут доступны Насте. По крайней мере в тот момент она была в этом убеждена. Парень сходил с ума, он её преследовал, караулил у дома, умолял, просил за что-то прощения, плакал, бесился, но всё было бесполезно – Настя не замечала его. Она ничего не объясняла и не рассказывала никому: ни друзьям, ни бывшему парню, ни преподавателям в университете, которые хотели понять, как она, отличница, идущая на красный диплом, не сдаёт сессию и придётся ли им теперь ставить ей оценки из жалости. В конце концов все сочли Настю немного помешанной и как-то постепенно отстали от неё, занявшись собственными делами. Её бывший парень ещё какое-то время приходил к тому дому, где она проводила дни и иногда ночи, не понимая, что она делает в этом чёртовом дворе на лавочке. Местные жители давно заприметили Настю и уже окрестили чудаковатой, хозяйка квартиры, которая сдавала жильё посуточно, узнала её и даже стала догадываться, в чём дело, но тот молодой человек больше не приходил, и она не знала, чем девушке помочь, поэтому ничего не предпринимала.

\*\*\*

Ей было тепло, так хорошо и сладко на душе. Её голова лежала у него на груди, она обняла его руками и закинула на него ногу. Она никогда ещё не была так счастлива, ей не хотелось двигаться, чтобы не спугнуть этот момент душевной неги и мысленного равновесия. В её сознании возник образ бабочки, которая приближалась к цветку то с одной стороны, то с другой, не решаясь сесть на него. Её движения были монотонны и цикличны, и это опускало сознание девушки в бездну спокойствия и тишины.

Вдруг он вздрогнул в её объятиях. От неожиданности Настя встрепенулась.

– Тише, тише. Спи, всё хорошо, – прошептала она и придавила его рукой, чтобы помешать ему встать, хотя он и не делал никаких попыток.

– Всё хорошо. Всё хорошо, спи, ш-ш-ш, – шептала она.

Она почувствовала, что что-то меняется. Он затих и, кажется, стал меньше в размерах. Она ещё сильнее обхватила его и стала стискивать, как дитя, но он таял, испарялся, исчезал. Она не понимала, что происходит, вокруг неё была крошечная мгла. Её охватило отчаяние, в последней надежде она изо всех сил сжимала его.

– Нет, нет, не надо, нет, пожалуйста, прошу, нет! Не уходи, я прошу! – кричала она и силилась приблизить его к себе, чтобы ещё крепче держать его.

Ею овладел панический страх.

– Хватит, стой! – рассердилась она. – Прекрати!

Она проснулась от собственного крика отчаяния, сдавившего горло. Ей было трудно дышать, сердце щемило, пижама вся промокла от пота. Настя лежала на кровати, вцепившись в одеяло так сильно, что костяшки её пальцев побелели.

– Проклятые сны, проклятые... ненавижу...

Но это выглядело так правдоподобно и реально, что она до сих пор чувствовала его тепло.

– Это было на самом деле, – убеждала она себя, – он был здесь, я знаю, он был.

Полежав ещё несколько минут, она стала приходить в себя. С трудом заставила себя подняться и поплелась в душ.

«Нужно собираться в университет, – подумала она. – Зачем я туда хожу? К чему всё это?»

Настя училась на физико-математическом факультете. Вопреки устоявшемуся стереотипу, что девушки не дружат с математикой, у неё ещё в детстве обнаружились способности к подсчётам и геометрии, и мама старалась максимально это развивать в дочке. Настя училась на отлично, участвовала в олимпиадах, конкурсах, имела кучу грамот и медалей. Но она не понимала, как это практически применить в жизни, и её будущее представлялось ей весьма туманным. Изучение квантовой физики, начавшееся недавно у них на курсе, возможно, вызвало бы у неё интерес: парадоксы, загадки, необъяснимость – это то, что она так любила. Но не сейчас. Её душевное состояние было далеко от желаний познать тайны материи и энергии.

\*\*\*

Однажды после лекций однокурсники вознамерились во что бы то ни стало уговорить Настю пойти с ними в бар – поболтать, расслабиться, посмеяться, как в прежние времена. Им хотелось растормошить её, поговорить с ней по душам, вернуть её в нормальное состояние, чтобы она рассказала о своей боли.

Друзья по договорённости гурьбой окружили Настю и стали наперебой галдеть, как говорливые птицы.

– Насть, ну давай!

– Ну пойдём!

– Айда с нами!

– Мы соскучились...

– Да уйди ты! – стали друг дружку толкать однокурсники.

– Сам уйди!

– Нет, ты!

– Хамка!

– Нахал!

Все смеялись и толкались. Настя невольно улыбнулась. Это произошло впервые после той ночи. Толпа одобрительно заулюлюкала. И ощущение чего-то хорошего посетило Настю сердечко.

– Всё, хватит, хватит, хорошо, хватит, – снова улыбалась она.

Студенты опять заулюлюкали.

– В 19.00 в Jazz port cafe. Не опаздывай.

Когда она пришла в кафе, большая часть ребят уже собралась. Они сидели за самым большим столом в центре зала, приглушённый свет создавал уютную атмосферу, светильники на стенах высвечивали висевшие повсюду музыкальные инструменты. Центральное место на стене занимал саксофон, под которым висела табличка из красного дерева, инкрустированная золотой надписью «Чарли Паркер». Справа была сцена для музыкантов с нагромождёнными на ней музыкальными инструментами. Слева вместо стены красовался огромный аквариум с множеством разноцветных рыбок. Настя была здесь впервые. Ребята, завидев её, оживились.

– О, Настя! – подскочил со своего стула вечно галантный Пётр. – Иди сюда.

Он взял её под руку и провёл к стулу в центре стола, а сам сел рядом.

– Мы тут обсуждаем пороки нашего общества, – высокопарно, с загадочным видом объяснил Пётр, расплываясь в улыбке.

– Так вот, я начал рассказывать, как в Америке индейцы охотились на бизонов, – сказал специально для Насти парень, сидящий прямо напротив неё. Его звали Андрей, он был влюблён в Настю, но тщательно это скрывал, поэтому был ей хорошим другом, который готов прийти на помощь в любую минуту. Настя чуть улыбнулась и склонила голову в знак благодарности за объяснение.

– У индейцев, – продолжал Андрей, – бизоны являлись основным источником пропитания, а шкуры использовались для изготовления жилья и одежды. Индейцы старались заготовить как можно больше провизии впрок. Когда у бизонов начиналась миграция, они сбивались в огромные стада. Этим они облегчали индейцам процесс охоты. Огромное стадо бизонов вёл один вожак, он выбирал путь, куда и когда идти. Только представьте эту картину: тысячи голов бегут за одним предводителем.

Это я, – самодовольно сказал Пётр.

– Да уж, ты. Вожак, серьёзно?

– Ха, это он! – И все дружно засмеялись.

– Так вот, индейцы на лошадях загоняли предводителя, заставляя его двигаться в нужном им направлении. И в один прекрасный момент всё стадо оказывалось перед обрывом большого каньона. Вожак безуспешно пытался остановиться, и его на полной скорости сносила волна сзади бегущих и верящих ему сородичей.

– Это очень похоже на нашу жизнь: мы бежим и видим перед собой задницу впереди идущего, куда бежим – не знаем, куда ведёт вожак – тоже неизвестно, направляет ли его кто или нет, нам тоже не дано знать, а захочешь остановиться, оглядеться, так задние ряды патриотов не пожалеют, снесут и растопчут. Они-то верят вожаку без оглядки.

– Нет, это не я, я не вожак, – сдохмил Пётр. – Не хочу в каньон, пойду, пожалуй, в индейцы запишусь.

– Да тебя и в лошади индейцы не возьмут, зачем им болтливая лошадь, – с издёвкой произнёс Андрей.

– Это меня-то не возьмут? Да я был бы идеальной индейской лошадью, это лучше, чем быть худшим вожаком в истории.

Все посмеялись. Потом было много историй, анекдотов и рассуждений, Настя незаметно для себя поддалась всеобщему настроению и на время забыла о своих проблемах. Она смеялась, со всеми была приветлива и добра, всё было как раньше.

Разговор плавно перешёл к любовным отношениям. Настя посурнела.

– Я считаю, что любовь – это величайшее из чувств, которое дано пережить нам. Она окрыляет, облагораживает человека, делает из него божественное существо, недаром любовь воспета тысячами поэтов. Когда ты любишь, ты живёшь. Это самое светлое и чистое чувство из всех существующих, – философствовал Славик, самый романтичный и галантный кавалер в их компании.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.